
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полина Ерофеева

«ПОЧТИ КАЖДОЙ СПЛЕТНИЦЕ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ЦИФРОВЫХ ТАБЛОИДАХ

Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественных представлений о проблеме сексуального насилия. Переход к цифровым каналам информации дает возможность оценить, как проблему сексуального насилия воспринимают потребители цифровых СМИ разных жанров. В статье рассматриваются репрезентации сексуального насилия в отношении женщин среди потребителей цифровых таблоидов, комментирующих публикации по теме насилия. Роль читательского комментария разбирается с опорой на нарративную теорию Эрминии Ибарры, которая выделяет три этапа процесса формирования идентичности в коммуникации: (1) выбор ролевых моделей и их сопоставление с собой; (2) экспериментирование с поведением ролевых моделей; (3) внутренняя оценка поведения на предмет совместимости с прошлой идентичностью, а также его внешнее одобрение значимыми окружающими. Процесс формирования идентичности выражается в «я-нарративе», рассказе, который позволяет высказать соображение о себе. В статье читательский комментарий в цифровых СМИ рассматривается как форма «я-нарратива», в котором комментатор сопоставляет себя с ролевой моделью (героем новостной истории), получая или не получая одобрение («лайк») со стороны других участников обсуждения. В качестве эмпирического источника рассматривается женский цифровой таблоид «Сплетник». Статья демонстрирует, что, освещая

Полина Андреевна Ерофеева – к.п. н., преподаватель, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. Электронная почта: polina.erofeeva@gmail.com

жизнь знаменитостей, «Сплетник» дает благодатную почву для создания и подтверждения «я-нарративов». Показывается, что поводом для обсуждения темы насилия служат истории знаменитых женщин, его переживших. Используя тематический анализ, автор выявляет основные темы читательского обсуждения историй знаменитостей. Поскольку издание представляет собой гибрид таблоида и глянца, восприятие темы насилия среди аудитории «Сплетника» является ареной борьбы между разными дискурсами – патриархатным, характерным для таблоида, и феминистским, элементы которого присутствуют в современном женском глянце. В заключении критически осмысливается вклад «Сплетника» в развитие общественной дискуссии о проблеме сексуального насилия в России, легитимацию открытого обсуждения этой темы как социальной, а не частной проблемы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, СМИ, репрезентации, таблоид, цифровые медиа, нарратив

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424

Создавая «вторую реальность» (Gerbner et al. 1980), из которой мы черпаем представления о социальных проблемах (Iarskaia-Smirnova et al. 2016), СМИ оказывают влияние на общественное восприятие вопросов сексуального насилия: о том, насколько серьезна эта проблема, кого винить и какие средства необходимы для ее решения. Развитие новых цифровых медиа и «медиаатизация», то есть проникновение логики медиа в другие сферы жизни (Schulz 2004), делает вклад СМИ в общественное восприятие сексуального насилия более значимым. Это происходит потому, что различные социальные группы теперь могут использовать новые медиа для влияния на СМИ и в качестве арены для формирования социальной политики в области борьбы с насилием в отношении женщин (Easteal et al. 2015). По этой причине представляется актуальным изучение репрезентаций проблемы сексуального насилия в цифровых СМИ.

Особенность цифровых СМИ состоит в том, что их потребители имеют возможность оценивать (ставить «лайки») и комментировать прочитанное. Комментарии пользователей можно рассматривать как источник для изучения медиа-репрезентаций проблемы сексуального насилия, который позволяет увидеть, как медиа-репрезентации воспроизводятся или оспариваются пользователями. В контексте проблемы сексуального насилия интерес представляют такие массовые, популярные жанры как женский глянец и женский таблоид. В статье ставится задача рассмотреть репрезентации сексуального насилия в отношении женщин среди потребителей цифровых таблоидов, комментирующих тексты по теме насилия.

Для решения этой задачи проанализировано место и роль пользовательского комментария в формировании представлений о проблеме сексуального насилия, выделены особенности цифрового таблоида в контексте

проблемы и на примере интернет-ресурса «Сплетник» выявлены темы и мотивы обсуждения проблемы сексуального насилия в комментариях пользователей ресурса.

Комментарии в цифровых СМИ как форма нарратива

Для описания средств с помощью которых СМИ структурируют общественный дискурс, в исследованиях часто используется понятие «фрейминга» или форматирования (Entman 1993; Berns 2004). Фрейминг – это «упаковка» сложной и противоречивой реальности в складную историю, своего рода селективная стратегия, которая предполагает отбор фактов, выделение одних героев и их мотиваций и отсеечение других (Iyengar 1990). С концепцией фреймов соотносится идея о медиа-шаблонах (Kitzinger 2000). Они используются для объяснения новых событий посредством отсылки к предыдущим, формируя аналогии между новостями и историческими сюжетами, маскируя противоречия и отличия. Анализируя медиа-фреймы, Памелла Хилл Неттлтон (Nettleton 2011), Нэнси Бернс (Berns 2004), Мариан Мейерс (Meyers 1997), Патриция Истил и соавторы (Easteal et al. 2015) показывают, как СМИ формируют однобокое, патриархатное представление о проблеме насилия в отношении женщин, акцентируя внимание на «вине» женщины за насилие над ней самой. Жертвы насилия представляются как «особый тип женщин», других, непохожих на «обычных» (Berns 2004). В СМИ, ориентированных на мужскую аудиторию, проблема насилия высмеивается (Nettleton 2011).

Мера влияния медиа-фреймов на общественное сознание остается спорным вопросом. Ряд исследований находит, что границы власти СМИ сужаются за счет развития социальных сетей и цифровых каналов информации (Easteal et al. 2015), которые предоставляют возможность стать соавтором мультимедийной системы наравне с издателями (Мисонжников 2015). Обсуждение контента в социальных сетях рассматривается в качестве новой формы взаимодействия аудитории и СМИ, в ходе которого расшифровка вложенных смыслов может пойти по непредсказуемому сценарию (Easteal et al. 2015). Читательский комментарий может проложить дорогу альтернативному прочтению контента в обход заложенному, предпочтительному (Hall 1993). С другой стороны, скептики обращают внимание на ограниченную роль читателей в изменении стандартов фрейминга. В современных режимах комментирования нет средств для создания нового послания, только для его декодирования (Philo 2008). Как замечает Дженни Кизингер (Kitzinger 2000), ситуативное использование тех или иных медиа-шаблонов может поддаваться сомнению, однако сам шаблон критикуется редко. Читательские комментарии чаще всего служат обогащению оценочного, эмоционального плана медиа-текста, в то время как достаточность фактов, то есть его когнитивная сторона, не подвергается сомнению (Мисонжников 2015).

В контексте проблемы насилия в отношении женщин двойственная природа новых медиа проявляется в том, что с одной стороны, сетевые средства информации позволяют производить альтернативный феминистский дискурс (Harp et al. 2014), а с другой, создают условия для повторной виктимизации посредством унижений жертвы в социальных сетях (Powell 2010). Кроме того, отмечается, что феминистские сетевые медиа пока не привели к изменению «мейнстримовых», патриархатных репрезентаций насилия (Easteal et al. 2015). Вместе с тем, если новые медиа уже рассматриваются в контексте проблемы насилия в отношении женщин (Harp et al. 2014; Easteal et al. 2015), в традиционных СМИ, перенесенных на цифровую платформу, роль читательских комментариев в репрезентации насилия пока не стала предметом изучения в России и мире. В свою очередь, комментарии рассматриваются в основном с лингвистической точки зрения, а также в рамках теории коммуникации и феминистской теории медиа (Philo 2008; Мисонжников 2015; Easteal et al. 2015) и не получили теоретического осмысления в социологии.

В статье предлагается социологический подход к анализу пользовательских инструментов цифровых СМИ на основе символического интеракционизма, который рассматривает социальные механизмы формирования идентичности (Blumer 1986). Нарративная теория идентичности Эрминии Ибарры (Ibarra 1999; Ibarra, Barbalescu 2010) позволяет собрать в единую модель нарративные средства СМИ, пользовательские возможности цифровых медиа и проблему идентичности. Автор акцентирует внимание на значении ролевых моделей в формировании идентичности и раскрывает процессы, с помощью которых усваиваются нормы поведения ролевых моделей, изменяя и обогащая собственную идентичность. Ибарра показывает, что роль играют так называемые «временные я», которые формируются и отбираются в несколько этапов: (1) выбор ролевых моделей и их сопоставление с собой; (2) экспериментирование с поведением ролевых моделей, персонализация их поведения; (3) внутренняя валидация нового поведения, его оценка с точки зрения согласованности с прошлой идентичностью, а также внешняя валидация – одобрение значимыми окружающими. Процесс отбора идентичности выражает «я-нарратив», рассказ, в котором заключено желание высказать суждение о себе. Он может быть всеобъемлющим, как, например, в случае автобиографии, а может касаться только отдельных аспектов идентичности, как, например, в случае собеседования при приеме на работу. Читательский комментарий в цифровых медиа может рассматриваться как форма «я-нарратива», в котором комментаторы сопоставляют себя с ролевой моделью (героем новостной истории) и получают внешнее одобрение в отзывах и «лайках» других участников обсуждения. В этом состоит значимость пользовательского комментария как формы социального взаимодействия и механизма усвоения медиа-фреймов.

Не каждый комментарий будет примером полноценного «я-нарратива», поскольку комментатор не всегда рассказывает историю о себе. Однако любой комментарий содержит элементы «я-нарратива», так как комментатор стремится представить себя определенным образом перед другими участниками дискуссии. Ту часть комментариев, которые не являются в строгом смысле «я-нарративами», можно рассматривать в рамках одного из этапов эксперимента с идентичностью в теории Ибарры: такие комментарии содержат оценку другого «я-нарратива» (знаменитости, рассказавшей о своем опыте, или другого комментатора), то есть являются выражением внешнего одобрения идентичности. В этом заключается особенность комментария в сравнении с другими формами «я-нарратива»: потребитель медиа одновременно проходит внешнюю валидацию и участвует в валидации других. Таким образом, в опоре на теорию Ибарры в статье предпринимается попытка рассмотреть репрезентации насилия в отношении женщин среди потребителей цифровых медиа в их комментариях к текстам по теме насилия.

Материал и методы исследования

Важное место среди цифровых СМИ занимают доступные массовые жанры – глянец и таблоид. Они охватывают большую аудиторию, формируют повседневный информационный фон (Смирнова 2009), внедряют определенные гендерные нормы потребления (McCracken 1993). Можно сказать, что именно таблоид и глянец дают благодатную почву для создания и тестирования «я-нарративов», поскольку освещают жизнь знаменитостей, представляющих собой ролевые модели для разных аспектов жизни читателей. Для исследования выбрано издание «Сплетник» (*spletnik.ru*), которое сочетает черты нового женского и массового СМИ.

«Сплетник» начал свою работу в 2007 г. как онлайн-ресурс «о жизни мировых знаменитостей и российских звезд» (Сплетник 2015: 2), который предусматривает «высокий уровень вовлеченности читателей» (там же). Зарегистрировавшись на сайте, читатели могут комментировать материалы редакции и вести собственные блоги, которые публикуются в специальном разделе. Акцентируя внимание на отношениях, моде и красоте, «Сплетник» привлекает преимущественно женскую аудиторию: по данным издания на 2015 г., ее доля составляет 71,2 %. Это молодая, образованная и достаточно обеспеченная аудитория: 48,1 % читателей 18–34 лет, 87,3 % характеризуют свой доход как средний или выше среднего (Сплетник 2015). «Сплетник» – популярное издание. Согласно материалам отчета для рекламодателей, издание лидирует среди аналогичных гляцевых цифровых ресурсов по охвату аудитории. Ежемесячно сайт посещает 2,5 миллиона уникальных пользователей, 70 % которых издание рассматривает как лояльных: они заходят на сайт каждую неделю (там же).

Поскольку «Сплетник» – это гибрид нескольких форматов, можно предположить, что обсуждение темы насилия структурировано несколькими конкурентными фреймами. С одной стороны, это таблоид, то есть консервативный формат, который воспроизводит идеализированные стандарты женской красоты. С другой стороны, речь идет о фрейме женского глянца, который зачастую рассматривается как амбивалентный, сочетающий консервативные и феминистские элементы (Nettleton 2011). С третьей стороны, это издание, перенесенное на цифровую платформу, сделавшее ставку на активных читателей. Именно они способны сопротивляться патриархатному коду таблоида (Harp et al. 2014), имея для этого инструменты комментирования и блогов. В контексте обсуждения насилия противоречивую роль может играть характерный для таблоида упор на частную жизнь обсуждаемых героев (Смирнова 2009). С одной стороны, он может рассматриваться как погоня за сенсациями (Ornebring, Jonsson 2004), а с другой, помогает преодолеть патриархатный дискурс о насилии в отношении женщин как частной, семейной проблемы, которая не должна попадать в публичное пространство (Easteal et al. 2015). Таким образом, восприятие темы насилия читателями «Сплетника» является ареной борьбы между разными фреймами, и материалы сайта могут рассматриваться как значимый источник сведений о содержании и структуре медиа-репрезентаций сексуального насилия в отношении женщин.

Комментирование – важная составляющая читательского опыта на «Сплетнике». Оно организовано схожим образом с популярными социальными сетями: можно оставлять комментарии не только под основным сообщением, но и открывать отдельную ветку для обсуждения других комментариев. Каждый зарегистрированный пользователь может оценить чужой комментарий, поставив «лайк» или «дислайк». Комментарии, получившие семь или больше «дислайков» скрываются: для того чтобы их прочесть, надо нажать на кнопку «комментарий скрыт». Таким образом, процесс внешней валидации «я-нарратива» воплощен на сайте издания наглядно: одобренные комментарии набирают высокий рейтинг, а высказывания, не снискавшие одобрения, в буквальном смысле дисквалифицируются, стираются. К 2015 г. на сайте зарегистрировано 81 тыс. пользователей, имеющих право комментировать и голосовать за понравившиеся комментарии других пользователей (Сплетник 2015).

Чтобы собрать исследовательский материал, на сайте проведен поиск по ключевым словам в заголовках и тексте публикаций. В общей сложности за период работы издания найдено 106 публикаций, упоминающих сексуальные домогательства, 86 – изнасилование и 71 – сексуальное насилие. Из них отобраны те публикации, для которых указанная тема была основной. Далее, для того чтобы получить представление об общем круге тем сайта, особенностях комментирования и о том, какую реакцию читателей получают публикации о сексуальном насилии по сравнению с другими матери-

алами, рассмотрены публикации, вышедшие в тот же день, что и материалы о сексуальном насилии, а также публикации, посвященные смежной теме – домашнему насилию. В общей сложности изучено 432 публикации, вышедшие с 2008 по 2016 гг. Основные характеристики собранного исследовательского материала представлены в таблице 1.

Табл. 1

Эмпирический материал. Основные характеристики

	<i>Количество</i>	<i>Среднее кол-во просмотров</i>	<i>Среднее кол-во комментариев</i>
Материалы по теме сексуального насилия против женщин (изнасилования, сексуальные домогательства)	54	16959	68.2
Материалы по теме домашнего насилия	145	26186	84
Материалы на другие темы	233	19649	36.4

Для анализа комментариев отобраны кейсы, то есть серии публикаций, посвященных одной истории (например, Леди Гага о пережитом в юности изнасиловании). В рамках общей проблематики сексуального насилия против женщин выбранные кейсы затрагивают разные темы: изнасилование (восемь кейсов, представленных в 31 публикации); сексуальные домогательства (пять кейсов, 12 публикаций); общественная деятельность против сексуального насилия (один кейс, пять публикаций). Аналитический подход строился на принципах тематического анализа, разработанного для выявления сквозных тем в качественных данных (Braun, Clarke 2006), а также нарративного анализа, который используется для изучения структуры повествования, то есть того, как история рассказана и что в ней не проговорено (Nettleton 2011). На основе анализа кейсов выявлены следующие темы: мера ответственности и действия жертвы изнасилования, мотивации и мера искренности знаменитостей, рассказавших об изнасиловании, универсальность/неизбежность насилия, границы понятия сексуального насилия. Отсутствуют в дискуссии тема роли мужчин в борьбе с насилием, а также разговор о структурных условиях существования насилия, культуре насилия.

Сексуальное насилие в жизни знаменитостей: между недоверием и солидарностью

Сообщения о признаниях знаменитостей о пережитом насилии появляются среди публикаций «Сплетника» с 2014 г. В историях много похожего: певицы

Мадонна, Леди Гага, Кеша, актрисы Эшли Джадд и Джейми Кинг, стенд-ап комик Эми Шуман рассказывают о том, что в начале своей карьеры столкнулись с насилием, в том числе, со стороны коллег (продюсера) или бойфренда, боялись говорить об этом раньше, но рассказывают сейчас, чтобы поддержать других жертв. В двух случаях насилия со стороны коллег имена насильников не называются, вместо этого Леди Гага и Эшли Джадд намекают, что это известные в индустрии люди. В сообщении о Мадонне отмечается, что она не пошла в полицию, потому что испугалась. Эми Шуман изнасиловал бойфренд, имя которого также не называется. Особняком стоит история Кешы: имя обвиняемого известно, это продюсер, с которым она работает по долгосрочному контракту. Певица обвиняет его не только в сексуальном насилии, но и в принуждении к употреблению запрещенных наркотиков, ведется судебное разбирательство, за ходом и событиями вокруг которого следит издание (впоследствии Кеша проиграет в суде). По таблоидному стандарту (Шкайдерова, Тривер 2015) абзацы заметок перемежаются фотографиями героев: в подавляющем большинстве это фотографии с красной дорожки, и улыбки нарядных знаменитостей резко контрастируют с темой и тоном обсуждения: например, «Джейми Кинг: со мной происходило ужасное» (Сплетник 2016).

Реакция пользователей на такую подачу материала связана с одной из сквозных тем, которые объединяют исследованные кейсы: это обсуждение мотивации рассказа о насилии, искренности знаменитостей. Для части комментаторов ключевой является принадлежность женщин к шоу-бизнесу, диктующему цинизм и стремление к вниманию любой ценой :

Комментарий¹

Рейтинг

Песнями, Гага, внимание надо привлекать, хорошими и качественными песнями, ты ж музыкант. А не рассуждениями о том, что ты не хотела рассказывать и долго скрывала

37

Другим комментаторам, напротив, статус знаменитости не мешает соотнести себя с героями новостей. Рассказы о насилии – это, прежде всего, рассказы женщин-знаменитостей. Читательницы находят в этих историях черты собственного опыта, а акт публичного признания одобряют как жест солидарности и способ борьбы против насилия:

Многие жертвы годами молчат об этом и держат всё в себе. но это очень важно для них – рассказывать об этом, даже спустя много лет. тем более когда такие известные женщины рассказывают о своих историях – это может помочь другим женщинам понять, что они не одиноки в своём несчастье, что такое происходит повсюду. и возможно тоже рассказать о случившемся кому-то

32

¹ В комментариях сохранена орфография и пунктуация авторов

Таким образом, культ знаменитостей, на который опирается «Сплетник», играет противоречивую роль в контексте темы сексуального насилия в отношении женщин. С одной стороны, «звездам» свойственно приписывать исключительные свойства, таланты и интересы (Cashmore 2014), что препятствует сочувствию и идентификации с ними. С другой стороны, востребованность института «звезд» объясняется тем, что потребитель таблоидного «звездного» контента формирует «парасоциальную» близость (Horton, Wohl 1956) с публичным человеком, то есть склонен воспринимать его как своего друга, близкого, что, напротив, способствует солидарности с жертвами насилия.

Вопрос о мере искренности вызывает длинные споры, и если одни комментарии о цинизме звезд получают поддержку, другие встречают осуждение. Для читательниц неприемлемо поднимать вопрос о «пиаре», если речь идет об изнасиловании в детском возрасте. Кроме того, дисквалифицируется апелляция к внешности («она некрасивая, поэтому врет», «она плохо выглядит, потому что она жертва насилия»), а также оскорбительный, грубый тон высказываний.

Вторая тема, которая объединяет обсуждение историй насилия, – это ответственность женщины за предотвращение насилия. Дискуссии на эту тему ставят российский таблоид в один ряд с западными СМИ, где обоюдная ответственность мужчин и женщин является основным фреймом в репрезентациях насилия (Easteal et al. 2015). У вины женский гендер (Meyers 1997), тогда как сама проблема «де-гендеризируется», предстает как проблема насилия вообще (Berns 2004), в том числе, в женских журналах (Nettleton 2011). Дискуссия о предотвращении сексуального насилия сводится к обсуждению того, что должна была сделать жертва, чтобы избежать насилия (Berns 2004), а в качестве единственного средства борьбы с насилием преподносится дистанцирование от агрессора (Nettleton 2011). Причем, ответственность за дистанцирование тоже лежит на жертве. Читатели «Сплетника» обсуждают проблему в схожем ключе. В комментариях появляются личные истории читательниц, вокруг которых возникают отдельные дискуссии. Однако в них радикальное «виновата сама» отвергается: *«Зачастую причиной изнасилования является тупость жертвы»* (Рейтинг: 11).

Вместо этого читательницы задаются вопросом, почему они чувствуют себя виноватыми, а действия жертв обсуждаются как действия субъекта повествования – не только с точки зрения того, что в них было ошибочного, но и что было сделано правильно и помогло избежать худших последствий, а также что делать, чтобы справиться с переживаниями. Присутствие такого субъекта – обязательный атрибут повествования (Ibáñez, Barbalescu 2010), субъект обеспечивает связность истории, облегчает понимание и способствует как внешней, так и внутренней валидации историй читательниц:

У меня был такой печальный опыт... Я не стыжусь этого.. Мне пистолет к щеке приставили. И я поделилась этим с близкими подругами, чтобы они были просто осторожнее. Никто меня не осудил, но мне противно вспоминать, потому что я чувствую свою вину. И от себя противно. Но больше всего противно от моих знакомых, которые меня пьяную после вечеринки посадили в попутку на переднее сидение к парню в капюшоне ночью. Они ни о чём не знают. Мне повезло, меня не убили, меня не избili и не выкинули на стройке, все могло быть гораздо хуже. Но я это помню. И больше я никогда не ловила машины, не заходила в лифт с мужиком, не остаюсь наедине с незнакомым и так далее...

56

Анализируя репрезентации насилия в отношении женщин в англоязычных СМИ, Иенгар (Iyengar 1990) и Истил (Easteal et al. 2015) различают эпизодическое и тематическое форматирование. Первое подразумевает акцент на конкретной ситуации насилия и его конкретной жертве. Второе обращает внимание на структурные условия, которые делают сексуальное насилие в отношении женщин возможным – это общественная терпимость к такому насилию, культура насилия. Как показывают исследования обеих ученых, тематическое форматирование редко встречается в СМИ. Читательницы «Сплетника», напротив, пытаются обсуждать проблему системно, они проводят связь между насилием и патриархатным устройством общества, неравенством мужчин и женщин. Однако их обобщения подчеркивают неизбежность насилия в отношении женщин, поскольку в их понимании гендерное неравенство – это данность, естественное состояние «мужского мира», а не то, что можно изменить:

Официальная статистика такова, что каждая четвертая женщина в США и Британии пережила насилие. У нас все, скорее всего, хуже, просто статистики не ведется. Но, надеюсь, вы помните посты на «Сплетнике» на эту тему, почти каждой сплетнице есть что вспомнить. Так не нужно такой цинизм проявлять. В странах Африки, и некоторых регионах Азии вообще практически нет женщин не подвергавшихся ни разу сексуальному насилию (причем с детства).

48

В свою очередь, разговор о противодействии насилию сводится к осуждению роли женщины, ответственность мужчины замалчивается:

Самое ужасное, что женщины нашей страны (не все, но большинство) считают виноватой саму жертву (не так оделась, не так посмотрела т.д.)... мою подругу возле дискотеки изнасиловали двое и когда она приехала в травм.пункт две тетki там работающие заявили, что раз она пошла на дискотеку, то значит сама хотела что бы ее изнасиловали и она виновата... мне кажется пока таких женщин это само не коснется они не поймут каково это

67

Несмотря на отдельные консервативные черты, читательские комментарии демонстрируют солидарность с жертвами насилия, а интонация осмеяния, характерная для таблоида (Смирнова 2009), порицается. В отличие от традиционных СМИ, где рассказ о частном случае насилия часто фреймируется как эпизод и исключение, тем самым служит воспроизводству патриархатного представления, дискуссия на «Сплетнике» показывает, что в рамках женского цифрового таблоида та же самая частная история – история знаменитости – может работать иначе. Реакцию на такие истории со стороны читательниц «Сплетника» можно рассматривать в русле теории социальных движений (Brysk 2013). В ее рамках история конкретного человека (жертвы насилия, нарушений прав человека) трактуется как инструмент общественной мобилизации. Такая история трогает больше, чем «сухая статистика», вызывает сочувствие к герою и гнев по отношению к обидчикам – эмоции, которые рассматриваются как самые эффективные для мобилизации социального протеста (Ibid).

За рамками осуждаемого образа сексуального насилия

Характер комментирования меняется, если история знаменитости не соответствует стереотипному представлению об изнасиловании. Дискуссия вокруг Эми Шуман, которая рассказала о том, что ее изнасиловал бойфренд, демонстрирует узкие, консервативные рамки понятия насилия. Ее история была воспринята с иронией, как история о «неудачном сексе», а не насилии, несмотря на то, что в заметке отмечалось, что она спала, когда это случилось, а ее партнер впоследствии извинялся перед ней: *«Эми, если тебе не понравилось – это не изнасилование, это неудачный партнер. Господи»* (Рейтинг: 98).

Тема насилия также игнорируется, когда речь идет о политике. Сообщения об обвинениях Дональда Трампа в сексуальных домогательствах и его оскорбительных высказываниях в адрес женщин привлекли большое число просмотров и комментариев, но тема фреймировалась в контексте предвыборной борьбы, а не проблемы насилия в отношении женщин. Притом что в отсутствии политического компонента, дискуссия о домогательствах строится вокруг болезненных личных историй сексуальных домогательств в жизни читательниц. В случае с Трампом тема насилия вытеснялась за счет обсуждения поступков Хиллари Клинтон и ее мужа. Поведение Трампа оценивалось в сравнении с поведением Билла Клинтона на посту президента, а обвинения в домогательствах рассматривались с точки зрения супружеской неверности, но не как проблема сама по себе: *«Хиллари мутит. И это после того, как ее дражайший супруг на весь мир прославился своими похождениями, не отходя от рабочего места))))))))»* (Рейтинг: 30).

Еще один пример игнорирования темы – обсуждение общественной деятельности знаменитостей по борьбе с сексуальным насилием в отношении

женщин. «Сплетник» освещает подобную деятельность Анджелины Джоли: сообщалось, что она открыла центр по борьбе с сексуальным насилием в военных конфликтах, выступала с докладом о сексуальных преступлениях ИГИЛ, а также навещала жертв насилия в зонах боевых действий. В обсуждении этих новостей проблема сексуального насилия в отношении женщин вытесняется. «Дегендеризация» проблемы происходит за счет обсуждения сексуального насилия как проблемы насилия вообще. В частности, в случае с Джоли проблема сексуального насилия в военных конфликтах подменяется проблемой военных конфликтов как таковых, а основным предметом спора становится вопрос о том, кто виноват в развязывании войн:

Надеюсь, Джоли известно, что боевиков ИГИЛ породили никто иной как её собственные правители, может не мешало бы ей обратиться к Обаме, когда янки днём якобы бомбят позиции боевиков, а ночью им тайком поставляют оружие!

138

Таким образом, когда речь заходит о международной политике, основным мотивом комментариев становится антиамериканизм, а тема сексуального насилия отходит на второй план.

Заключение

Как показывает анализ публикаций «Сплетника», современные цифровые таблоиды затрагивают проблему сексуального насилия. Повод говорить на эту болезненную тему в издании развлекательного формата дают истории знаменитых женщин, переживших насилие. Распространение комментирования в цифровых медиа позволяет изучить, как эти истории воспринимаются читателями. Несмотря на узкие рамки стереотипного понимания того, что считать сексуальным насилием, читательское сообщество «Сплетника» демонстрирует солидарность с жертвами насилия и сопротивляется патриархатным интерпретациям историй о насилии. Обсуждение не сводится к осмеянию, а читательницы соотносят себя с ролевыми моделями из числа знаменитостей, одобряя их публичные выступления как личный пример мужества, который служит мобилизации женского движения против сексуального насилия.

При всей специфике таблоидного формата как некачественного и поверхностного, цифровой таблоид в данном случае выступает как (редкая) платформа для общественной дискуссии о проблеме сексуального насилия в России. Это легитимирует открытое обсуждение данной темы как проблемы общественной, а не частной. Отсутствуют в этом обсуждении анализ структурных условий существования насилия, роли мужчины в предотвращении насилия. В перспективе на развитие дискуссии может повлиять участие отечественных знаменитостей в разворачивающемся диалоге.

Список источников

Мисонжников Б. Я. (2015) Читательский комментарий в сетевой версии газеты как метатекст (на материале публикаций немецкого таблоида «Bild»). *Ученые записки Забайкальского государственного университета*, 61 (2): 106–110.

Смирнова М. П. (2009) Фамильярная тональность в текстах современных российских таблоидных изданий. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки*, (1/2): 50–56.

Сплетник (2015) *Медиа-кит*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/DoW9Q> (дата обращения: 7 июля 2018).

Сплетник (2016) *Джейми Кинг: со мной происходило ужасное*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/DoWAP> (дата обращения: 9 июля 2018).

Шкайдерова Т. В., Тривер А. В. (2015) Специфика содержательно-графической модели российских таблоидных газет «Жизнь» и «Зажигай!». *Вестник Омского государственного университета. Филология*, 75 (1): 241–243.

Berns N. (2004) *Framing the Victim. Domestic Violence, Media, and Social Problems*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.

Blumer H. (1986) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Oakland: University of California Press.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2): 77–101.

Brysk A. (2013) *Speaking Rights to Power: Constructing Political Will*. Oxford: Oxford University Press.

Cashmore E. (2014) *Celebrity Culture*. New York: Routledge.

Eastal P., Holland K., Judd K. (2015) Enduring Themes and Silences in Media Portrayals of Violence Against Women. *Women's Studies International Forum*, (48): 103–113.

Entman R. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43 (4): 51–58.

Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signoriell N. (1980) The 'Mainstreaming' of America – Violence. *Journal of Communication*, 30 (3): 10–29.

Hall S. (1993) Encoding, Decoding. S. During (ed.) *The Cultural Studies Reader*. London: Routledge: 90–103.

Harp D., Loke J., Bachmann I. (2014) Spaces for Feminist (re) Articulations: The Blogosphere and the Sexual Attack on Journalist Lara Logan. *Feminist Media Studies*, 14 (1): 5–21.

Horton D., Wohl R. R. (1956) Mass Communication and Parasocial Interaction: Observations on Intimacy at a Distance. *Psychiatry*, (19): 215–229.

Iarskaia-Smirnova E., Prisyazhnyuk D., Kononenko R. (2016) Representations of Inequality and Social Policy in the Russian Official Press, 2005–2012. *Journal of European Social Policy*, 26 (3): 268–280.

- Ibarra H. (1999) Provisional Selves: Experimenting with Image and Identity in Professional Adaptation. *Administrative Science Quarterly*, 44 (4): 764–791.
- Ibarra H., Barbulescu R. (2010) Identity as Narrative: Prevalence, Effectiveness, and Consequences of Narrative Identity Work in Macro Work Role Transitions. *Academy of Management Review*, 35 (1): 135–154.
- Iyengar S. (1990) Framing Responsibility for Political Issues: The Case of Poverty. *Political Behavior*, 12 (1): 19–40.
- Kitzinger J. (2000) Media Templates: Patterns of Association and the (re)Construction of Meaning over Time. *Media, Culture & Society*, 22 (1): 61–84.
- McCracken E. (1993) *Decoding Women's Magazines: From Mademoiselle to Ms.* New York: St. Martin's Press.
- Meyers M. (1997) *News Coverage of Violence Against Women: Engendering Blame.* Thousand Oaks, CA: Sage.
- Nettleton P. (2011) Domestic Violence in Men's and Women's Magazines: Women Are Guilty of Choosing the Wrong Men, Men Are Not Guilty of Hitting Women. *Women's Studies in Communication*, 34 (2): 139–160.
- Ornebring H., Jonsson A. M. (2004) Tabloid Journalism and the Public Sphere: A Historical Perspective on Tabloid Journalism. *Journalism Studies*, 3 (5): 283–295.
- Philo G. (2008) Active Audiences and the Construction of Public Knowledge. *Journalism Studies*, 9 (4): 535–544.
- Powell A. (2010) Configuring Consent: Emerging Technologies, unauthorized Sexual Images and Sexual Assault. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 43 (1): 76–90.
- Schulz W. (2004) Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*, 19 (1): 87–101.

Polina Erofeeva

'EVERY GOSSIP GIRL HAS SOMETHING TO RECALL': REPRESENTATIONS OF SEXUAL VIOLENCE IN RUSSIAN DIGITAL TABLOIDS

Mass media affects social beliefs about sexual violence. The expansion of digital media featuring user comments has improved our understanding of how consumers of different media vary in their perception of the issue. This article examines representations of sexual violence against women in digital tabloids as manifested in users' comments on sexual violence. User comment is conceptualized along the lines of Ibarra's narrative identity theory. This follows a three-step process of role model participation in identity development: (1) role model selection and prototyping; (2) role model behaviour experimenting and personalization; (3) internal and external validation of new behaviour among significant others. The process of identity formation takes place within a self-narrative: a story told to make a point about oneself. Using Ibarra's framework the article analyses readers' comments as a form of self-narrative where referencing (commenting) to a role model (the subject of media text) is followed by external validation from other users ('like/dislike'). *Spletnik.ru*, a Russian digital tabloid targeting a female audience, was selected for empirical exploration. The site has a rather hybrid format, mixing the patriarchal discourses typical of tabloid genres with feminist elements common to women's magazines. *Spletnik.ru* provides ample space to observe the interplay between the two discourses in readers' opinions on sexual violence. We argue that, with its extensive celebrity coverage, *Spletnik.ru* produces and distributes material for role-model prototyping and self-narrative development. Female readers are able to compare their personal experience with celebrity stories and often approve of public discussion of the issue of sexual violence on the part of celebrities. Yet, readers' discussions ignore the role of men in preventing sexual violence. The concluding section discusses the potential of female-orientated digital tabloids to change the public discourse on sexual violence against women in Russia.

Key words: sexual violence, mass media, digital media, tabloid, media-representations, narrative

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424

References

- Berns N. (2004) *Framing the Victim. Domestic Violence, Media, and Social Problems*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Blumer H. (1986) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Oakland: University of California Press.
- Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2): 77–101.

Polina Erofeeva – PhD, teacher, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russian Federation. Email: polina.erofeeva@gmail.com

- Brysk A. (2013) *Speaking Rights to Power: Constructing Political Will*. Oxford: Oxford University Press.
- Cashmore E. (2014) *Celebrity Culture*. New York: Routledge.
- Easta P., Holland K., Judd K. (2015) Enduring Themes and Silences in Media Portrayals of Violence against Women. *Women's Studies International Forum*, (48): 103–113.
- Entman R. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43 (4): 51–58.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signoriell N. (1980) The 'Mainstreaming' of America – Violence. *Journal of Communication*, 30 (3): 10–29.
- Hall S. (1993) Encoding, Decoding. S. During (ed.) *The Cultural Studies Reader*. London: Routledge: 90–103.
- Harp D., Loke J., Bachmann I. (2014) Spaces for Feminist (re)Articulations: The Blogosphere and the Sexual Attack on Journalist Lara Logan. *Feminist Media Studies*, 14 (1): 5–21.
- Horton D., Wohl R. R. (1956) Mass Communication and Parasocial Interaction: Observations on Intimacy at a Distance. *Psychiatry*, (19): 215–229.
- Iarskaia-Smirnova E., Prisyazhnyuk D., Kononenko R. (2016) Representations of Inequality and Social Policy in the Russian Official Press, 2005–2012. *Journal of European Social Policy*, 26 (3): 268–280.
- Ibarra H. (1999) Provisional Selves: Experimenting with Image and Identity in Professional Adaptation. *Administrative Science Quarterly*, 44 (4): 764–791.
- Ibarra H., Barbulescu R. (2010) Identity as Narrative: Prevalence, Effectiveness, and Consequences of Narrative Identity Work in Macro Work Role Transitions. *Academy of Management Review*, 35 (1): 135–154.
- Iyengar S. (1990) Framing Responsibility for Political Issues: The Case of Poverty. *Political Behavior*, 12 (1): 19–40.
- Kitzinger J. (2000) Media Templates: Patterns of Association and the (re) Construction of Meaning over Time. *Media, Culture & Society*, 22 (1): 61–84.
- McCracken E. (1993) *Decoding Women's Magazines: From Mademoiselle to Ms*. New York: St. Martin's Press.
- Meyers M. (1997) *News Coverage of Violence against Women: Engendering Blame*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Misonzhnikov B. (2015) Chitatel'skij kommentarij v setevoj versii gazety kak metatekst (na materiale publikacij nemetskogo tabloida 'Bild') [Readers' Comment in Digital Newspaper as a Metatext (A Case Study of German Tabloid Bild)]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie* [Research Letters of Zabaikalsk State University], 61 (2): 106–110.
- Nettleton P. (2011) Domestic Violence in Men's and Women's Magazines: Women Are Guilty of Choosing the Wrong Men, Men Are Not Guilty of Hitting Women. *Women's Studies in Communication*, 34 (2): 139–160.
- Ornebring H., Jonsson A. M. (2004) Tabloid Journalism and the Public Sphere: A Historical Perspective on Tabloid Journalism. *Journalism Studies*, 3 (5): 283–295.
- Philo G. (2008) Active Audiences and the Construction of Public Knowledge. *Journalism Studies*, 9 (4): 535–544.
- Powell A. (2010) Configuring Consent: Emerging Technologies, Unauthorized Sexual Images and Sexual Assault. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 43 (1): 76–90.
- Schulz W. (2004) Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication*, 19 (1) 87–101.
- Shkaiderova T., Tiver A. (2015) Cpecifika soderzhatel'no-graficheskogo modeli rossijskix tabloidnyh gazet 'Zhizn' i 'Zazhigaj!' [Content and Graphics in Russia Tabloids Zhizn and Zazhigaj!]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Omsk State University, Philology], 75 (1): 241–243.
- Smirnova M. (2009) Famil'jarnaja tonal'nost' v tekstah sovremennyh rossijskix tabloidnyh izdanij [Familiarity in Contemporary Russian Tabloids]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ural State University, Series 2, Humanities], (1/2): 50–56.
- Spletnik (2015) *Media-kit*. Available at: <https://clck.ru/DoW9Q> (accessed 7 July 2018).
- Spletnik (2016) *Dzhejmi King: so mnoj proishodilo uzhasnoe* [Jamie King: 'Terrible Things Happened to Me']. Available at: <https://clck.ru/DoWAP> (accessed 9 July 2018).